

Таня Лоскутова. Фото Ирины Терры, 12 апреля 2015 года

Таня представляла себя так:

«Больше всего люблю рассказывать. Любими способами: рисуя, ваяя, валяя и воюя. Рисую всё, что вижу. Ваяю всё, что придумываю. Валяю всё, что помню. Называю это рассказами. Если получается в рифму — вру, что это стихи. Воюю с возрастом и ленью».

Дерзкая, умная, гордая и независимая, про таких говорят — королевских кровей. Может поэтому и умерла она девятого апреля, в один день с принцем Филиппом. Если бы можно было подсмотреть день своего ухода, то она непременно бы усмехнулась такому совпадению и сострила бы — «я не могла явиться туда без сопровождения королевской особы, ведь должен был кто-то меня представить!» Она любила остроумных людей, любила хорошую шутку, и не было никаких табу в разговоре: поговорить о собственной смерти? — пожалуйста, но непременно с вызовом — никому не хотела уступать, особенно Ей, жила наперекор всем врачебным прогнозам.

Мы познакомились в апреле 2015 года, приехали вместе с Игорем Курасом к ней в гости в пригород Бостона, весь дом после ее дня рождения был полон желтых цветов (Таня любила именно желтые цветы). И начались наши кухонные посиделки — все как положено, по-русски — с застольем, тостами за знакомство, перекурами прямо за столом и невероятно интересными разговорами. Говорила обычно Таня, рассказывала историю за историей, «валяла все, что помнила», у нее был артистический дар рассказчицы. Я спрашивала — она рассказывала. Мы стали часто бывать у нее в гостях, у нас даже появились «свои места» за кухонным столом. Из этих разговоров сложилось интервью, которое Таня тогда забрала: *«Какая-то я получилась выпендюшка. Вот когда умру, тогда и публикуй. Мне уже не будет стыдно»*, — говорила она, и мы выпивали за здоровье и долголетие.

Таня была талантливым художником, создавала объемные картины (живопись и скульптура одновременно) в ярких и насыщенных тонах арт-нуво, модерна и декаданса, самая любимая ее тема — жанровые, театральные сценки с изысканными барышнями и галантными кавалерами, флирт и любовь; ее картины сейчас находятся в частных коллекциях во многих городах мира, но особенно много их в бостонских домах. Когда она жила в Москве, то иллюстрировала книги, много лет писала заметки для «Крокодила», дружила со всеми «ненадежными» и «неудобными» для советской власти, в 1989-м году эмигрировала в США. Как однажды сказал про нее муж Феликс: *«Таня — свидетель века»*.

Именно потому, что Таня действительно была «свидетелем века», той самой эпохи с запретами на хранение книг, вызовами в КГБ и обысками, слежкой и прослушкой, арестами и ссылками — именно поэтому мне хотелось бы сейчас поделиться Таниными *частными* историями, которые несомненно войдут в *общую* историю диссидентского движения. Я только об одном жалею — что записала слишком мало...

Из интервью я убрала все свои вопросы, чтобы послушать только Таню.

Я сижу спиной к окну, справа от меня — Игорь, за ним, в центре стола, на своем любимом месте — Таня, напротив нас — Феликс. Таня закуривает сигарету и начинает рассказывать.

Таня Лоскутова и Феликс Усов. Фото И.Д.Кураса, 29 января 2017 года

Машет рукой в сторону Феликса:

Вот он, мой подарочек на день рождения. Мы в этом году отметили 40-летие свадьбы.

Познакомились как... Да в поезде! Об этом я могу рассказывать бесконечно. В 1975-м году я с сыном и подруга с сыном (ребятам тогда было по 15 лет) поехали в пансионат изучать «Архипелаг ГУЛАГ». Книга у нас была перефотографирована, и мы ее всей нашей компанией читали и обсуждали.

Возвращаясь в Москву вечером (на исходе был день моего рождения), я протянула билет на поезд проводнице и столкнулась в тамбуре вот с ним (*снова показывает на Феликса*). Я подумала — сейчас уложу своих спать и пойду за него замуж выходить. Так и сделала. Выхожу в тамбур покурить и вижу его — стоит такой красивый, пиджак на плечи наброшен, как китель, в уголке рта сигарета. Как-то нужно было привлечь к себе внимание, я потянула вниз фрамугу, в надежде, что она не поддастся и мне помогут. Но фрамуга, как назло, легко поехала вниз, и тогда я второй рукой стала подпирать ее вверх, сделала несчастное лицо и покосилась на Фелю. Он вместо того, чтобы помочь мне, кивнул на свое окно — мол, здесь все открыто. Я не измеряла своей скорости, но довольно быстро оказалась возле него.

Первый его вопрос: «Вы тоже были в Ленинграде в командировке?»

И я слышу свой ответ: «Нет, что вы! Мы с детьми ездили в Тарховку под Ленинград читать «Архипелаг ГУЛАГ».

Можешь себе представить — 75-й год, с моими связями в кругах диссидентов, такое сказать первому встречному!

На него это не произвело никакого впечатления, и он спросил: «А вы заметили, какая сейчас мода в Ленинграде?» — «Нет, какая?» — «Ну как же — все женщины несут в руках букетик из фиалок и нюхают его на ходу».

Ну разве можно было после этого в него не влюбиться?! Глупее ничего не слышала...

Я сказала, что у меня сегодня день рождения, надеясь на какой-то предлог к чему-то. Он ответил, что это замечательно и сейчас он принесет мне подарок. Феля пошел к себе в купе, минут двадцать его не было, потом вернулся и вручил мне апельсин. Подарок. Сейчас я уже привыкла — все, что передается из рук в руки может считаться подарком. Но тогда это было неожиданно! Я влюбилась еще больше.

Мы проговорили всю ночь, написали друг другу по стиху и договорились, что Феля позвонит моей подруге через три дня (свой телефон я дать побоялась).

Утром на перроне меня встречал муж Валя. Мы сели с ним в машину, и я тут же объявила: «Делай со мной, что хочешь, можешь убить, но я влюбилась». Я объяснила, что жить без этого человека не могу; что он — психоневролог, у него двое мальчиков — девять и пять лет; что я дала телефон своей подруги, и он позвонит через три дня.

«А если не позвонит?» — спросил Валя. «Тогда я буду его искать. И ты мне поможешь».

Валя кивнул. И тут я поняла — он разговаривает со мной, как с сумасшедшей.

Я рассказала все своей подруге Марине (телефон, которой я дала) и попросила ее три дня сидеть дома и ждать звонка Фели. В случае, если он не позвонит, я обдумывала, как найти психоневролога в Москве с двумя маленькими детьми. Феля позвонил ровно через три дня и спросил у Марины — где мы с ним встретимся.

Марина воскликнула: «Где же вы были? Таня уже с ума сходит!!!»

На что Феликс невозмутимым голосом ответил: «Танечка просила позвонить через три дня».

Все! Я поняла, какой будет моя жизнь с Фелей! Все было решено!

С тех пор мы вместе уже 40 лет.

Конечно было тяжело. Валя воспринял наш разрыв легче, чем жена Феликса. Но потом мы все дружили, совместно воспитывали наших общих детей. А Валя довольно быстро женился.

Женя Гаврилова, Эллендея Проффер, Таня Лоскутова

Идея создания издательства «Ардис» зародилась на моей кухне. Мой первый муж Вадим Федоров — профессор московского университета, библиофил и книжный вор (это отдельная история) пригласил к нам в гости Эллендею и Карла Профферов.

В разговоре Вадим сказал: «Слушай, Карл, ну какого хрена ты профессор Индианского университета? Это несерьезно в наше время. Ты хороший филолог, отлично знаешь русский язык и русскую литературу, почему бы тебе не создать издательство? У нас же все пропадет, никто не узнает ни серебряного века, ни современных писателей, через цензуру не проходит ни одно достойное произведение, ты можешь все это напечатать!»

Карл спросил: «Но откуда же я возьму рукописи?» «Я тебе помогу», — сказал Вадим, который мог достать любую книгу любого автора.

Так и началось издательство. Вадим и все наши друзья передавали для «Ардиса» бесценные рукописи и книги начала 20-го века, я сделала для них иллюстрации к символистам, в частности — обложку для номера с Сологубом. Я взяла псевдоним — Елизавета Воробей, так как под своим именем публиковаться было опасно.

Издательство практически не приносило денег, иной раз книги печатались в убыток, ребята работали на голом энтузиазме. Сейчас многие писатели в обиде

на Профферов и считают, что они богатели за счет издательства. Но как это далеко от истины!

С Эллендеей мы до сих пор дружим — она моя любимая подруга.

Таня Лоскутова, 60-е

Нет, путаться в мужьях не надо. Все просто: сын от Бориса, первый муж Вадим, потом Валя, потом Феля.

С Вадимом у меня начались отношения с падения с третьего этажа.

Мы встретились на вечеринке у подруги дома. Сидели на диване, разговаривали, в какой-то момент я поняла, что все самое смешное я рассказала, и что сейчас может произойти то, чего бы мне пока не хотелось, и было страшно (я о поцелуе). Я встала, пошла на кухню и решила всех еще больше рассмешить. Дело в том, что в этой квартире окно на кухне располагалось очень близко к балкону, и я решила перелезть из кухни на балкон, войти в гостиную как ни в чем не бывало и всех удивить. Я сняла туфли, встала на подоконник, сделала небольшой шаг на карниз балкона, и тут моя нога соскользнула. Мне бы перенести вес тела и схватиться за поручни балкона, но рука по инерции схватила

то, что оказалось ближе — прямо над моей головой висела конструкция для сушки белья. Я вцепилась в нее и повисла на одной руке. Дальше картинка замедлилась, и я стала наблюдать, как гвоздь, державший эту конструкцию, медленно и уверенно выходит из стены. Были две мысли — «ой, как глупо» и «можно останусь жива?» Дальше не было ничего (а говорят, что больно...) Когда я открыла глаза, то увидела две машины — скорую и милицию. Меня — в скорую, друзей — в милицию на допрос. Удивить все же удалось...

В больнице мне было жалко модное в то время платье-карандаш, его разрежали прямо на мне, потому что снять было невозможно из-за сломанных шести ребер и ключицы. А еще была выбита челюсть и зуб. Боли я не чувствовала, мне делали мощные новокаиновые блокады. Когда ко мне прибежала мама и спросила: «Ташенька, ну как ты?», я нащупала во рту отсутствие зуба, расплакалась и ответила: «Мама, все ужасно, у меня зуб выпал».

Вадим заботливо меня выхаживал, носил гостинцы в больницу, так началась наша влюбленность.

На Сретенке был дом, куда приходили «поговорить» — такой интеллектуальный круг молодых людей, рассуждающих о литературе, политике, в общем философствующих о жизни. Мне это безумно нравилось, и я со своей восторженностью тоже пришла к двору. Но там периодически появлялся парень с ужасными патлами на голове, который пел под гитару и нарушал таким образом процесс говорения. Он меня очень раздражал: я не могла дожидаться, когда он закончит петь, и мы опять начнем беседовать о чем-то интересном. Несколько лет спустя, когда я познакомилась с бардом и исполнителем Окуджавой, я вспомнила его — того самого паренька с патлами.

Булат получил однокомнатную квартиру в нашем доме. Помню, однажды вышла я на прогулку с Лешей, ему тогда четыре года было, и что-то дома забыла. Оставила Лешу одного на скамеечке у подъезда, а когда вернулась, вижу картину — перед сыном на одном колене стоит Булат и слушает, как Леша поет «Будни нашего отряда...» — в качестве колыбельных для сына я выбирала только песни Окуджавы. Булат был невероятно счастлив и растроган.

Еще помню его коллекцию пуговиц, Булат всем ее показывал. На отполированных пуговицах были сделаны изображения и надписи. Я сама в то время увлекалась необычными миниатюрами — распиливала косточки (ребрышки), шлифовала, процарапывала или наносила рисунок и покрывала лаком. Наши увлечения были близки по духу.

Однажды мне позвонила моя подруга из наших домов — Алена Баилова и предложила к ней срочно зайти, примерить какую-то тряпку. У нас с ней никогда не было «тряпочных» отношений, и я поняла — что-то случилось. Оказалось, что в их доме на первом этаже шел обыск с целью выявления незаконных книг, всюду стояли незнакомые люди в штатском. Алена попросила меня вынести из ее квартиры книги, среди которых были Сахаровские чтения, а также его материалы, подготовленные для выступления на еврейском симпозиуме. На мне были клетчатые брюки на резинке, сверху шуба с поясом. Все, что смогли, мы запихнули ко мне в штаны, в обе брючины, и запахнули шубой. Вот в таком виде, поправившаяся на десять килограммов, я вышла из дома и прошла мимо вертухаев. Алена со своей собакой Мотей шла сзади на расстоянии и смотрела, чтобы не было слежки. Когда мы уже дошли до нашей улицы, я обернулась, Мотя меня узнала, подлетела ко мне и стала прыгать, своими лапами стягивая с меня брюки вместе с книгами. Придерживая штаны руками, походкой Чаплина, я все же дошла до своей квартиры, распахнула шубу и из меня посыпались книги. Мама, которая

Мама Елена Никкель и папа Михаил Лоскутов

уже ничему не удивлялась и была ко всему привыкшая, сказала: «Ой, не волнуйся, сейчас мы все это спрячем на балконе под снегом». Можете себе представить, что с ними там стало, когда снег начал таять...

С Сахаровым мы встречались несколько раз, и у меня всегда было такое ощущение, что ему как-то неловко (может за свою известность) — очень мягкий, интеллигентный, со светлыми глазами и приятным голосом.

Последний раз в КГБ меня вызывали в связи с книжным делом Гелия Донского и Миши Мейлаха — нашего близкого друга. Накануне моего вызова Миша оставил у нас в платяном шкафу запрещенных книг, наверно, штук пятьдесят. Мне позвонили по телефону и пригласили для беседы. Я уже знала, что можно говорить, а что нельзя, и играла с ними. Беседовали мы часов шесть. Меня спрашивали — присутствовала ли я при встрече Донского с Карлом Проффером в одном из ленинградских ресторанов.

«Да, присутствовала». — «А не передавал ли Донской какие-либо книги Профферу?» — «Да, передавал». Сотрудник весь напрягся и уточнил: «А какую именно книгу он ему передал?» Я сделала вид, что вспоминаю, махнула рукой и прощбетала: «Ах, нет, эту книгу Карл вернул ему обратно. Это был путеводитель по Ленинграду. У Карла такой уже был».

Потом меня спрашивали — читала ли я какие-то книги в гостях у Гелия Донского. Тут мне уже даже врать не пришлось: «Читала. «Москва-Петушки» Ерофеева. Там просто гениально раскрыта психология пьяницы! А вы читали?» — поинтересовалась я у сотрудника. «Ну, это сейчас не важно. Так вы считаете, что эта книга просто написана пьяницей?» И тут я на полчаса стала рассказывать, насколько гениально это произведение, и как тонко там раскрыты и подняты проблемы алкоголизма. Сотрудник явно был недоволен нашей беседой.

Один раз КГБшник приходил ко мне домой. Смотрел на собрание наших книг. А у меня за книгами были спрятаны пленки с рукописями, которые мы передавали на Запад. Если бы он их нашел, то меня несомненно посадили бы.

Я выросла в жуткой нелюбви к любой власти, я даже не разделяла — советская она или не советская. В тринадцать лет я сказала, что у меня никогда не будет никаких начальников, никто на меня не накричит и не заставит делать то, что не хочу. И я это осуществила. Я дочь репрессированного писателя, этим все сказано. Все свое детство, а потом и взрослую жизнь я искала хоть какие-то зацепки, сведения о своем отце.

Мама с папой поженились в 1930-м году. Очень хотели ребенка, и долгое время не получалось. Мама лечилась все десять лет и вот, наконец-то, ей удалось забеременеть. И было полное счастье. За два месяца до моего рождения отца забрали. Мы ничего о нем не знали. И только в 56-м году из ЗАГСа пришло оповещение, что он умер по неизвестным причинам при неизвестных обстоятельствах в 43-м. А до этого момента мы еще надеялись и ждали его возвращения. У мамы появился мужчина, мой отчим, очень порядочный человек, который помогал нам искать отца (поэтому они с мамой долгое время не расписывались). Окончательно обо всем я узнала только в 96-м, когда мы с Эллендеей поехали в Москву на празднование юбилея «Ардиса». Я была раздражена, так как поклялась больше никогда не возвращаться, но Эллендея меня уговорила. В первый же вечер за столом зашел разговор о том, что сейчас «Мемориал» открывает архивы и можно найти документы о репрессированных. Все две недели я провела в поисках документов об отце. Все нашла. Арестовали по обвинению в троцкизме. Расстреляли 28 июля 41-го, через полтора года после ареста. Там были фотографии после избиений... Я жадно вчитывалась в каждый листочек — может где-то написано, что ему сообщили о моем рождении... Но так ничего и не нашла об этом.

Феликс долгое время был невыездным: во-первых, он работал с космонавтами, во-вторых, был членом партии. Он работал в научно-исследовательском институте при ТУПе, проводил исследования психики космонавтов по записям их голосов (слушал их разговоры на станции).

Таня Лоскутова с Ириной Террой. Фото И.Д.Кураса, 29 января 2017 года

Я еще хуже, чем Лена Боннер! Когда Сахарова спрашивали — «как вы пришли к созданию водородной бомбы?», она всегда ехидно отвечала — «угу, сейчас мы вам расскажем!» Вот так и я.

Феликс ушел работать в обычную психушку, через пять лет его допуск закончился, и на следующий день мы подали документы на эмиграцию.

8 октября 1989 года мы летели в Вену, я везла маму после микроинсульта, в дороге с ней случился инсульт, она была в крайне тяжелом состоянии. Знакомые врачи в самолете чем-то ее кололи, чтобы хоть как-то поддержать жизнь. В Вене меня должна была встретить Эллендеи, но мы с ней разминулись. (Кстати, в 72-м Карл в Вене встречал Бродского). Мне нужно было срочно устроить маму в больницу. А что там было, это сейчас представить сложно, хуже гетто. Четыреста человек из самолета ожидали распределения по квартирам и отелям. Организация плохая, мы прождали с умирающей мамой два часа, и никто к нам не подходил, несмотря на мои просьбы срочно увезти ее в больницу. Тогда я подошла к поляку-организатору, взяла его за воротник и приперла к стенке. Что я ему сказала по-русски, я повторять не буду, но он меня прекрасно понял, и через пять минут мы ехали в больницу. Там нам очень помогла русская медсестра. В том числе и с поиском Эллендеи. Я знала, что даже если у Эллендеи нет денег, то она все равно остановится в самом дорогом отеле, мы стали их обзванивать и во втором отом ее нашли.

У нас были сильные рекомендательные письма, но только через четыре месяца мы смогли вылететь в Бостон. Друзья помогли нам снять квартиру. Маме здесь подарили еще четыре года жизни.

Я всегда была художником, иллюстратором и здесь я продолжила этим заниматься. С работой было непросто. Первое время я раскрашивала яйца своим собственным стилем, потом придумала делать объемные картины. Я совместила лепку с рисованием, на холст приклеивала вылепленные из акриловой пасты фигурки, фон дорисовывала маслом или тем же акрилом. Мои работы заметили, было несколько выставок, и теперь я работаю на заказ.

Ну и пишу небольшие рассказы-воспоминания. Выкладываю их иногда в Фейсбуке.

Кухонные беседы с Таней Лоскутовой записаны Ириной Террой в 2015–2017-х годах.

Специально для журнала «Этажи».

Фотографии сделаны в гостях у Тани, частично взяты с сайта Тани Лоскутовой, частично — с сайта семьи Лоскутовых.

Ирина Терра — журналист, редактор, издатель. Живет в Москве. Работы публиковались в еженедельнике «Литературная Россия», журнале «Дети Ра», «Казань», «Журналистика и медиарынок», на интернет-порталах «Новый мир», «Московский Комсомолец» и др. Лауреат еженедельника «Литературная Россия» за 2014 год в номинации — за свежий нетривиальный подход к интервью. Лауреат Волошинского конкурса 2015 в номинации «кинопоэзия», шорт-лист в номинации «журналистика». Победитель конкурса СЖР на лучшее журналистское произведение 2017 года. Член Союза журналистов России и Международной федерации журналистов. Основатель и главный редактор литературно-художественного журнала «Этажи». Лауреат Канадской премии им. Эрнеста Хемингуэя за 2017 год в номинации «Редактор» — за высокий профессиональный уровень издания международного журнала «Этажи».

Таня Лоскутова с Ириной Террой и Игорем Кура-сом. Фото Феликса Ускова, 29 января 2017 года